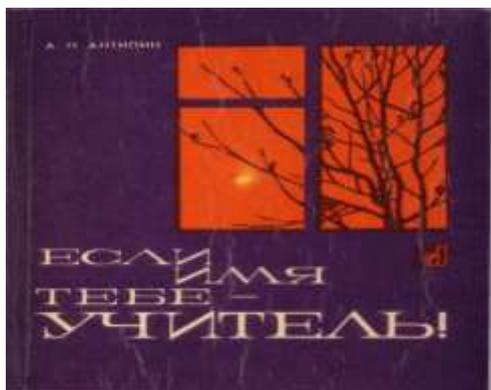

373.01

A72

А. Н. Антипин
Иркутск, Россия
(1922 -1980)

ЕСЛИ ИМЯ ТЕБЕ – УЧИТЕЛЬ!

Отрывок из книги А. Н. Антипина «ЕСЛИ ИМЯ ТЕБЕ – УЧИТЕЛЬ!»
Иркутск: Восточно-Сибирское издательство. 1983. – 224 с., посвящен педагогическому наследию известного педагога Восточной Сибири Афанасию Никитичу Антипину (1922-1980), который был директором Иркутского института усовершенствования учителей в 1969 – 1980 гг. Печатается в авторской редакции.

Ключевые слова: учитель, педагогический талант, педагогическая лаборатория учителя, воспитание, нравственное воспитание, воспитание в процессе обучения

A. N. Antipin
Irkutsk, Russia
(1922 -1980)

IF YOUR NAME – TEACHER !

Excerpt from A. N. Antipin’s book “IF YOUR NAME – TEACHER”. Irkutsk: East Siberian publishing. 1983, – 224 pages. Devoted to pedagogical heritage of the

famous teacher of Eastern Siberia Afanasy Nikitich Antipin (1922 – 1980), who was the Director of the Irkutsk Institute of Educators Training in 1969 – 1980. Printed in author's edition.

Key words: teacher, pedagogical talent, teaching lab, education, moral education, education in the learning process

ЧТОБЫ НЕ ОКАЗАТЬСЯ БАНКРОТОМ...

Иногда слышится грустное: «Было время, когда на учителя смотрели с почтительным трепетом. Перед ним и стар и мал снимали шапку. А теперь что? Теперь его все критикуют: и ученики, и родители...»

Положим, эта мысль продиктована настроением минуты. Но то, что роль учителя, как просветителя, действительно изменилась — факт. Теперь «и стар, и мал» не те люди, они грамотнее во всех отношениях. Мальчишки-дошкольники спорят нынче о проблемах космоплавания, а бабушки-пенсионерки за чашкой чая ведут неторопливый разговор о бионике. Нынче школа не является монополистом в образовании юного поколения. Рядом с нею стали такие могучие средства воздействия на ум и чувства детей, как кино, радио, телевидение, многомиллионные тиражи книг, журналов, газет, и попробуйте найти среди родителей, отправляющих в первый класс малыша, неграмотного! Все это, как говорит академик А.Н. Леонтьев, повышает интенсивность «информационного питания нервной клетки». Недаром и врачи, и психологи все чаще говорят об акселерации — ускорении темпа физического интеллектуального развития детей.

Разговор о личности учителя не может не принимать во внимание этих обстоятельств. И если сегодня могут «все критиковать» его, то это прежде всего показатель возросшей общей культуры народа, а не знак неуважения к нему, это возросшее требование общества к школе, а не умаление ее роли в образовании и воспитании детей. И независимо от того, много или мало

педагогического таланта ему выделено природой, он теряет почву под ногами, если отстает от бега жизни.

Социологи полагают, что сегодня темпы развития научной мысли настолько велики, что каждые двадцать пять лет половина научных знаний теряет свою актуальность и заменяется новыми. Это значит, что учитель, пришедший в школу в сороковых годах, имеет от института лишь половину знаний (если он ничего не забыл при этом!). А где взять другую — недостающую половину? Конечно, тут нужна хорошо налаженная система переподготовки, но главное — в потребности, привычке самого учителя к самообразованию. Хочу подчеркнуть: нужны именно потребность и привычка, как неотъемлемые качества личности, потому что заставить заниматься самообразованием кого бы то ни было вряд ли возможно.

Здесь обязательно последует вопрос: «Где взять время?!». Да, бюджет времени учителя, действительно, очень стеснен. Но далеко не всегда эта стесненность возникает из-за специфики педагогического труда. Пожалуй, в той же мере она является следствием несовершенства организации личной педагогической лаборатории учителя. Посмотрите, из каких «пустячных» недостатков характера учителя складывается это несовершенство: он не пунктуален, разбросан и поэтому всегда что-то теряет, ищет и не находит. А это и есть время! Он не умеет наблюдать детей. А за этим — ошибки, просчеты! Он не умеет ни накапливать, ни анализировать свои наблюдения, А это равносильно тому, что идти по густому лесу с завязанными глазами. Он не умеет организовать свою мысль, свою память. А это снова ошибки, снова потеря времени...

«Я раздаю мысли, советы, предостережения, чувства, раздаю щедро. Когда поминутно подходит все новый и новый ребенок с новыми и новыми требованиями, просьбой или вопросом, отнимая время, мысль, чувство, ты иногда с болью видишь, что ты, солнце этой толпы, сам остываешь и, светя им, теряешь луч за лучом.

Все детям, а что же мне? Дети набираются знаний, опыта, моральных принципов, они обогащаются, я — теряю. Как же мне дальше распоряжаться запасом душевных сил, чтобы не оказаться банкротом?» — писал в свое время известный польский педагог Януш Корчак.

Банкротство сердца... Значит, вчера я мог заметить в классе грустные глаза человека, а сегодня вижу просто глаза ученика. Вчера я мог улыбнуться ему без всякого педагогического умысла, сегодня я делаю эту улыбку. Вчера я мог понять и почувствовать и вину его, и беду, сегодня я вижу только вину. Вчера я выговаривал ему потому, что искренне хотел помочь, сегодня я это делаю потому, что он мешает мне. Вчера отыскивал и, волнуясь, произносил какое-то пустяковое слово, сегодня я скучно произношу умное и нужное по привычке. Вчера у меня были острота и чувства педагогического зрения, сегодня их заменили рефлексы. Вчера я верил в безграничную власть добра над детским сердцем, сегодня у меня вырывается возглас отчаяния: «Он не понимает добра!»

Устают и изнашиваются машины. Устает и изнашивается нервная система человека, тем более, если он учитель. Какую другую профессию можно поставить рядом с учительской, которая требовала бы столь колоссальных затрат нервной энергии?! И думаю, нас не может не волновать сегодня проблема педагогического долголетия. Ведь один учитель буквально сгорает за каких-нибудь пять-десять лет после окончания института. Он издерган, замучен, раздражителен, криклив, неулыбчив, и его педагогика, по существу, превращается в систему защитно-оборонительных средств от детей — они громко хохочут, бегают и при этом стучат ногами, дерутся и разбивают друг другу носы, задают неуместные вопросы, мешают вести урок, портят настроение и в будни, и в праздники.

Другой же, прошагав не один десяток лет по своей нелегкой тропе от одного класса к другому, приняв участие в судьбах тысяч учеников, сохранил и бодрость шага, и оптимизм, и способность слышать, понимать и чувствовать голос детства.

Забывшие педагогические истины можно восстановить в памяти: к услугам учителя фоллианты методик. Лучший опыт можно перенять. Но «износ» личности учителя — процесс необратимый. Именно поэтому вопрос, который ставит Януш Корчак: «Как же мне дальше распоряжаться запасом душевных сил, чтобы не оказаться банкротом?», — должен волновать учителя не тогда, когда он находится на грани этого банкротства, гораздо раньше. Ведь физическое и педагогическое одряхление зависит не только от количества прожитых и проработанных лет. Но и от самого человека — от организации (!) характера, от «приспособления» его к нуждам и особенностям своего труда. Ратуя за индивидуальность, за самобытность, за неповторимость педагогического почерка учителя, мы не можем прикрыть этими понятиями брешь в характере учителя, за которую он платит двойной-тройной дозой своего времени и сил в сравнении с действительно необходимой.

Чаще всего мы смотрим на учителя с одной стороны — что ему надо иметь, чтобы активно воздействовать на ученика. Но процесс обучения и воспитания имеет и другую сторону: ученик воздействует на учителя, прямо или косвенно влияет на его поведение, на его настроение, чувства, поступки. Учитель и ученик — это не просто обучающийся и обучающий, а люди, находящиеся в отношениях и поэтому обязательно взаимодействующие.

Вот он, увлекшись и видя, что ученики захвачены, читает из Некрасова: «Буря бы грянула, что ли!..» И именно в этот момент на лице одного из учеников вдруг появляется ироническая ухмылка. Учитель, разогнавшись, по инерции читает дальше, но эта ухмылка оставила какую-то царапинку: «Отчего он улыбнулся? И так многозначительно? Какая мысль пришла ему в голову? Может быть, я допустил какую-то фальшь в интонации? Может быть, лицо мое было в этот момент искажено неуместной гримасой? Или сами эти слова случайно совпали с его настроением? Или вообще он не слушал меня, а думал о своем?..» Короче говоря, дальнейшее поведение учителя на уроке так или иначе, пусть в ничтожно малой степени, но будет испытывать давление улыбки ученика. И, возможно, где-то в конце урока, он спросит именно его, чтобы

напомнить, что хорошо смеется тот, кто смеется последним... Но это пустяк. Практика может дать немало примеров, когда ученик своим поведением просто-напросто выводит учителя из колеи педагогической, парализует его волю, мысль, «заставляет» поступать вопреки педагогическим принципам. И если строго говорить, то нередко наши гневно-восклицательные оценки поступков учеников в большей степени характеризуют не сами эти поступки, а наше настроение, испорченное поведением ученика.

Когда, например, говорят о профессии летчика, вообще о профессии героического плана, то особо подчеркиваются такие качества, как выдержка, самообладание. Но, как знать, может быть, еще в большей степени они нужны учителю? Ведь без дисциплины мысли и чувства он на каждом шагу рискует схватиться не за тот рычаг, нажать не ту кнопку. В результате — авария. Одна, потом другая.

Из сказанного следует, по крайней мере, два вывода. Педагогические учебные заведения должны давать будущему учителю не только необходимые знания, но и готовить его характер к педагогической работе. Да, характер, волю! Не для покойной, тихонькой жизни. Для борьбы, для труда нелегкого. Для подвига, если угодно!

И еще для руководителей школ работа с учителем — это не только, а часто и не столько забота о повышении его «методического уровня», сколько работа над его характером, улучшение творческой лаборатории, возбуждение стремления к самовоспитанию и самообразованию.

«Учителем надо родиться!» Это изречение стало крылатой фразой. А если не родился? Ведь далеко не все люди «угадывают», для какой миссии они явились на свет. И сколько таких «не угадавших» себя среди учителей? Единицы?.. Что им делать? Может быть, вернее было бы говорить не родиться, а становиться надо учителем. Каждый день! Всю жизнь становиться, пока он учитель!..

ЧЕМУ УЧИТЬСЯ... УЧИТЕЛЮ

До какого бы совершенства мы не довели подготовку будущего учителя в наших педагогических учебных заведениях, ему придется готовиться. Самому. Каждый день. Всю жизнь. До своего последнего урока. Поэтому у каждого учителя складывается какая-то своя творческая лаборатория, «кухня», где он совершенствуется, обновляет, пополняет свой педагогический багаж. Эта часть его работы по напряжению своему, по трате времени и сил не проще, а подчас сложнее, чем то, что ему приходится делать потом, в классе. Рабочий день учителя — это не восемнадцать недельных часов, поделенных на шесть.

У нас довольно точно, до сотых процента подсчитано количество неуспевающих учащихся. Но кто может с уверенностью сказать, а сколько неуспевающих есть среди учителей, классных руководителей, воспитателей? Не успевающих... прочитать свежую газету, журнал, новую книгу, посмотреть новый фильм? Не успевающих отдохнуть и одуматься? Работающих на износ? Влюбленных в свое дело, преданных ему всей душой, но с горечью сознающих, что уже «истратились». И ребята, когда-то не чаявшие души в своем молодом учителе, теперь лишь вежливо, но равнодушно кивают головами? Отчего так?

Педагогическая работа никогда не станет проще, чем она есть, она всегда будет требовать большого напряжения мысли, душевных и физических сил, времени. И особенно у учителя начинающего. Да, ему надо какое-то время, чтобы оглядеться, войти в роль. И порой его педагогический корабль садится на мель, едва начав плавание, потому что в коллективе, куда он пришел после института, или не смогли, или просто не захотели войти в его положение.

Однако, начав свое плавание и счастливо, при свежем попутном ветре, он не всегда плывет далеко. Давайте позволим себе посмотреть на нашу работу не с обычных позиций, а попробуем ее оценивать, пользуясь отношением затрачиваемого труда к получаемому результату, хотя то и другое в педагогике очень трудно поддается учету и измерению. Но все-таки. Давайте просто подумаем, направим наши размышления именно по этому руслу. В самом деле, вот учитель до поздней ночи работал над изготовлением какого-то эффективного пособия к уроку. Оно помогло — урок прошел очень

продуктивно. А другой — накануне такого же урока ночью, как это и положено, спокойно спал, а на уроке прибегнул к помощи диапозитивов. И получил не меньший, если не больший результат.

Так можно ли поставить в заслугу первому его ночное бдение?

Один учитель ведет длинные беседы с учеником, старается и так, и сяк, вызывает родителей, просит, требует, убеждает. У него голова идет кругом от этой кутерьмы, и вот-вот сорвется возглас отчаяния: «И что ты за человек, не пойму! Сил моих больше нет!» Но в конце концов наступает какой-то перелом и вдали начинает маячить реальная надежда на успех. Конечно, он молодец, что не отступил, что не опустил рук. Но только ли похвалы он заслуживает, если другой учитель в этом же случае не затевает никаких педагогических баталий, не тратит пороха впустую, он берет мальчишку с собой в поход, и он, этот непутевый человек, становится там и понятнее, и доступнее, и учитель теперь наверняка знает, какие пружины ему надо подтянуть, какие оси поправить?

К одной и той же цели ведет множество путей, но лучший из них тот, который при минимально-необходимых затратах труда учителя приносит максимально-возможный результат.

Работа с детьми далеко не всегда дает учителю время для длинных размышлений. Во многих случаях ему приходится прибегать к импровизациям. Вдохновение, интуиция помогают ему найти оптимальное решение возникшей задачи. Но этой способностью обладает далеко не каждый. И как знать, может быть, большая половина решений и мер, принятых с ходу, большая половина слов, продиктованных минутным порывом, если вернуться к ним, окажутся то нелепыми, то наивными, то смешными — в общем, бесполезными. Неужели такое наше педагогическое расточительство, если можно это сильное слово здесь употребить, не должно вызывать у нас никаких раздумий? Ведь это растроченный впустую педагогический капитал!

Вывод лишь один: нет более непроизводительного труда, чем тот, в котором активны лишь рефлексy человека, но пассивна мысль. И особенно это относится к нашему труду — педагогическому.

В воспитании нет мелочей — седая истина, но в педагогике, пожалуй, не найти другой, которая повторялась столь же часто и которая, несмотря на это, выглядела бы и молодо и свежо. Где-то там, в бесконечном разнообразии и движении мелочей, создаваемых воспитанием, возникают то неощутимой силы плюсы, то столь же малой величины минусы личности воспитанника. Они, эти ничтожные плюсы и минусы, накапливаясь, взаимодействуя, в одном случае усиливают друг друга, в другом — нейтрализуют или воплощаются в какой-то третий нравственный продукт.

Но признавая право за каждой мелочью быть предметом особого внимания учителя, мы одновременно не можем не отдавать себе отчета в относительной ограниченности возможности учителя. Практически он не может одинаково успеть увидеть все и по каждому частному эпизоду принять меры, как бы ему не ставилось это в должное. Он так или иначе вынужден как-то избирательно видеть и избирательно действовать, постоянно отделяя важное от менее важного.

Выбрать из длинного ряда необходимостей главное, решающее — область педагогической стратегии и тактики. Неустанно подчеркивая мысль о том, что в воспитании нет мелочей, не менее, если не более необходимо подчеркнуть и другую мысль—в каждой отдельной педагогической ситуации есть первый план, есть второй, есть третий. Есть то, что определяет, и есть то, что способствует. Педагогика дальнего прицела — только она может помочь учителю не увязнуть и не утонуть в том, что называют текучкой. Возьмем тот средний уровень работы, когда нет блеска, но есть добросовестность, кропотливость, преданность и любовь к детям. Именно в этом среднем типичном и являются операции, необходимость которых диктуется случаем (двойка, нарушение, непослушание и т. д.). Поглощенный принятием мер, учитель теряет ориентировку, он много, очень много работает, но то ли он делает — этого вопроса ему просто некогда поставить перед собой. И часто выходит — на проблему десятого плана была затрачена уйма времени, а нечто более важное оказалось забытым и пущено на самотек. В результате возникли

осложнения, на ликвидацию которых требуются теперь двукратные усилия. И таких провалов нельзя избежать, если у учителя нет в руках педагогической программы — плана. Конечно, имеются в виду не те планы-отписки, которые составляются наспех для администрации... А план, который учитель составляет для себя, для рациональной организации своего труда, тот самый генеральный план сражения, который создает полководец, намереваясь выиграть битву, а не просто воевать!

Есть в дидактике святой принцип — наглядность обучения. Не найдется учителя, который не понимал бы важности его соблюдения. И между тем именно он чаще всего нарушается. И причина тут, как это ни покажется странным, чаще всего не в недостатке наглядных пособий, а в их обилии. В шкафах, на шкафах, за шкафами — рулоны и свертки любого калибра. Это таблицы, картины, схемы. Их много — сотни. А к уроку нужна одна. Попробуйте ее найти! Это же сизифов труд! Но, скажем, это худший случай организации труда учителя. Но и лучший выглядит едва ли лучше: таблицы прикрепляют к реечкам, привязывают к ним веревочки и вешают на гвозди на стену. Пачками, штук по двадцать. Тут русский, тут география, там история... И все это в какой-нибудь узенькой комнатушке. Учителя идут туда не с легким сердцем — взять нужное и идти на урок, а предварительно выполнить нелегкую поисковую работу, причем не будучи уверенным в ее успехе. Шуршат таблицы, падают, рвутся, идет пыль... А уже пробил час, звонок, пора на урок. И верный помощник учителя — ребячьи глаза остались без дела. Опять. И при большой затрате энергии учитель заведомо получит меньший результат. А разве время, потраченное на поиски, — пустяк! А скверное настроение, досада, с которыми учитель является к своим ученикам, — разве они улучшают его урок?

Возьмем другой пример. Учителю надо провести с ребятами какую-то беседу. Разумеется, с голыми руками не пойдешь. А нужного материала нет. Он хорошо помнит, что когда-то, где-то, не то в газете, не то в журнале, не то в книге, ему встречался именно этот, так нужный сегодня материал. Но где? И начинается поиск: перевертывается вверх дном вся личная библиотека, а

нужного нет. И это был не отдых, а работа, после которой никакой такой особенной беседы ему проводить уже не хочется, тем более, что разговор о двойках и поведении — тема всегда актуальная и неисчерпаемая... И вместо намеченного разговора по душам опять выходит проработка.

При все возрастающем количестве общественно-политической и научной информации становится все труднее выбрать нужное. Где выход? Надо как-то организовать свою память, свое внимание. Учителю необходимо какое-то запоминающее устройство. Пусть им будет такое «допотопное», как картотека. Минуты, затрачиваемые на ее ведение, экономят ему не часы и дни, а годы времени.

...Идет заседание педагогического совета, высказываются интересные соображения, даются дельные рекомендации — как бы не забыть. И учитель на первом подвернувшемся под руку клочке бумаги записывает. А потом этот нужный листочек куда-то пропадает, и мысль потеряна.

Произошел в классе примечательный эпизод — как бы не забыть: очень пригодится для разговора с родителями, и опять на клочке бумаги делается короткая заметка... Но и этот клочок теряется где-то в тетрадях... При том обилии информации, которая обрушивается на учителя в школе, ему чрезвычайно трудно усвоить и сохранить ее так, чтобы в нужный момент она оказалась под руками. И здесь ему нужно какое-то запоминающее устройство. Когда-то он, возможно, и получит для этой цели электронную память в виде миниатюрной машины. Но пока — это всего толстая тетрадь. Дневник. Без него учителю никак нельзя. Мне думается, что в числе профессиональных качеств учителя должно быть умение и привычка работать с ним. Дневник не как эпическое повествование о своих взлетах и падениях, а как рабочий инструмент, как средство учета и анализа своей работы. Взявшись за перо, учитель невольно понуждает себя к активной мысли, к углублению, обобщению, оценке, то есть организует и дисциплинирует свое педагогическое мышление. Мне пришлось встретить учителя, у которого на одной страничке дневника сконцентрировано столько сведений о личности каждого ученика, что

их хватило бы для целой книги. Он не собиратель и накопитель данных: воспитывая, он хочет видеть и понимать, как растут, куда идут его воспитанники.

Дело тут не просто в дневнике: это чисто техническая деталь. И пусть молодой учитель думает, ищет, находит другие совершенные способы для учета и анализа своей работы. Важна сама мысль: разговор о КПД учителя становится совершенно беспредметным, если иметь в виду лишь само педагогическое действие и забыть о предмете его приложения. В этом случае восторжествует логика — чем больше работы, тем больше пользы...

Если задаться целью сделать перечень качеств, которыми учитель должен обладать, то список получится довольно длинный. Недаром у него всегда чего-то недостает: то голос не поставлен, то стихов он не любит, то музыки не понимает, то к природе равнодушен, то в характере какой-то изъян... Но он классный руководитель, и его долг — содействовать всестороннему развитию и воспитанию учащихся. Не его вина, что в свое время его не научили понимать музыку, но именно это обстоятельство вооружает его решимость не допустить подобного пробела в воспитании своих учеников. Он приносит в класс патефон и самоотверженно начинает: «Сегодня, ребята, у нас беседа: «Как понимать классическую музыку». А через неделю он с таким же «успехом» ведет речь о скульптуре, а потом о происхождении Вселенной, а потом о русском балете, а потом... Но только одному ему известно, чего стоит роль ходячего университета, сколь ничтожно мал сам КПД такого универсализма. А где выход? Сегодня для многих школ не является неразрешимой проблемой такая «роскошь», как магнитофон. Ведь если только часть предприимчивости и времени, затрачиваемых на подготовку заведомо неквалифицированных бесед и лекций, например, по эстетике, направить на создание школьной фонотеки, то выигрыш был бы огромным.

Возьмите хотя бы цикл прекрасных бесед о музыке, прочитанных для учащихся по московскому радио композитором Дм. Кабалевским. Почему их не записать на пленку? Да и только ли эти беседы? Есть и другой выход. В

крупных педагогических коллективах всегда открываются возможности для известного разделения воспитательного труда. Каждый делает то, в чем он более всего силен: говорить с ребятами о современной поэзии, например, конечно, легче классному руководителю-литератору, чем физику, тем более, если последний совсем не лирик.

Нет! Мы далеки от мысли, чтобы согласиться с ограниченностью возможностей учителя, мы за максимальную разносторонность его знаний и интересов. Но нельзя путать желаемое с действительным.

Возник вопиющий разрыв: с одной стороны — все усложняющиеся и повышающиеся требования к обучению и воспитанию, диктуемые стремительным бегом жизни, а с другой стороны — очень несовершенная организация педагогической лаборатории учителя. Конечно, неправильно было бы думать, что в этой области у нас ничего не делается. Сделано и делается много: создаются хорошо оборудованные кабинеты-лаборатории, разного рода обучающие, контролирующие устройства, извлекается из шкафов кинопроекторная аппаратура, в лучших школах упорядочивается бюджет времени учителя и т. д.

Но все это лишь начало. Тут уйма проблем. Они ждут острой мысли молодого учителя, его горячей хватки, нетерпеливого порыва.